

закон, які кардынальна змяніў механізм, паводле якога грамадзянін Польшчы мог набыць статус дэпутата. Каб ён быў паўнамоцны змагацца за месца ў дэпутацкім корпусе, неабходнай была згода патрэбнай большасці членаў канкрэтнай акруговай выбарчай камісіі. Прычым у выніковым рашэнні камісіі павінна было фігураваць не болей, чым два прозвішчы. Трэба таксама мець на ўвазе, што гэтыя камісіі фармаваліся пры актыўным умяшальніцтве з боку дзяржавы.

У траўні 1935 года скончыўся жыццёвы шлях Ю. Пілсудскага і, натуральна, галоўнае прававое дзеішча яго рэжыма – Канстытуцыя 1935 года – напаўнялася рэальным зместам без бацькі санацыйнай палітыкі. Новы Асноўны закон працаваў у краіне, у якой правілы гульні вызначала так званая «генеральская група». Прадстаўнік гэтай групы М. Зындрам-Касцялкоўскі ўзначальваў урад з 13 кастрычніка 1935 года па 15 траўня 1936 года. Яго пераемнікам быў Ф. Славой-Складкоўскі.

У заключэнні ўяўляецца слушным выкладзі наступныя высновы.

1) Аднаўленне незалежнасці польскай дзяржавы ў 1918 годзе было трыумфам гістарычнай справядлівасці.

2) Будучы прадуктам Версальскай сістэмы, Другая Рэч Паспалітая, натуральна, не магла не быць закладнікам яе супярэчнасцяў. Фарміраванне тэрыторыі гэтай дзяржавы, якое было падтрымана ўдзельнікамі дадзенай сістэмы, адбывалася не толькі за кошт этнічных польскіх, але і этнічных беларускіх і украінскіх зямель, што мела доўгатэрміновыя негатыўныя наступствы геастратэгічнага і міжэтнічнага парадку.

3) Другая Рэч Паспалітая прайшла шлях ад станаўлення дэмакратычных інстытутаў і іх поўнаўвартаснага функцыянавання да рэзкага ўзмацнення антыдэмакратычных тэндэнцый.

Кіруючыя колы міжваеннай Польшчы аказаліся няздольнымі выбудоўваць цывілізаванае стаўленне да нацыянальных меншасцяў, груба парушаючы пры гэтым як міжнародныя абавязацельствы свёй краіны, так і Асноўны закон Другой Рэчы Паспалітай

ИТОГИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ОБРАЗОВАНИЕ НЕЗАВИСИМОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1918 Г.

К.В. Шевченко

Не только возникновение независимой Чехословакии в 1918 г., но и ее государственно-политическое устройство, а также идеологический облик были прямым результатом и закономерным итогом Первой мировой войны. Если в начале XX века и накануне войны практически все влиятельные политические силы в чешских землях исходили из целесообразности сохранения Австро-Венгрии, усматривая в этом государственном образовании все необходимые предпосылки для успешного социально-экономического и политического развития Чехии [1, с. 3], то с началом «Великой войны» произошла известная радикализация чешского национального движения. Вступление Австро-Венгрии в войну против славянских России и Сербии в качестве младшего партнера Германской империи было крайне непопулярно среди чешского населения Габсбургской монархии. В результате ряд чешских политиков отказался от лояльности

Габсбургам, делая ставку на поражение и распад Австро-Венгрии и на образование независимого чехословацкого государства на ее обломках.

Примечательно при этом, что в начале войны два основных антигабсбургских лагеря в рамках чешского национального движения – пророссийский во главе с лидером младочехов и идеологом «неославизма» К. Крамаржем и прозападный во главе с лидером партии реалистов профессором Т.Г. Масариком, основавшим в эмиграции Чешский национальный комитет, первоначально исходили из необходимости установления в Чехии монархии. При этом и Крамарж, и Масарик, ссылаясь на широко распространенные русофильские настроения чехов, признавали, что наиболее оптимальным и приемлемым монархом на чешском престоле был бы представитель русской династии Романовых.

Наиболее активным сторонником подобного сценария решения чешского вопроса был лидер младочехов К. Крамарж. Политические проекты Крамаржа в начале войны предполагали создание чехословацкого королевства во главе с представителем династии Романовых, которое на правах широкой автономии должно было входить в состав «Славянской империи» во главе с Россией; при этом предусматривалось «единство армии, дипломатии и таможенной территории» [4, с. 230].

Осенью 1914 г. во время успешного наступления русской армии в Галиции после взятия Львова и продвижения в направлении Кракова и Силезии Крамарж был уверен в скором появлении русских войск на чешских землях. Под влиянием данных обстоятельств Масарик в это время в своих обращениях к российским дипломатам также выражал свое принципиальное согласие с установлением в Чехии монархии с представителем династии Романовых на чешском престоле. Более того, Масарик подчеркивал преимущества единого таможенного пространства Чехии с Россией, что явно не соответствовало его расхожему имиджу принципиального противника русского самодержавия и убежденного сторонника западной ориентации. Русские дипломаты не без иронии отмечали, что на столь неожиданную смену политических предпочтений Масарика в начале войны повлияли как ход военных действий на Восточном фронте и продвижение русской армии в Галиции, так и лестные отзывы о боеспособности русских войск со стороны германских политиков, с которыми Масарик общался в ходе своих визитов в Берлин осенью 1914 года. Противники будущего первого чехословацкого президента из числа чешских политиков не без оснований отмечали, что «у Масарика нет идеалов, ни национального, ни религиозного, ни научного. Он сам себе идеал...» [4, с. 231].

Однако ход событий на фронтах «Великой войны» и революционные потрясения в России в 1917 г. внесли серьезные коррективы в данные представления чешских политиков. Неудачи русской армии, свержение монархии в России, нараставшая анархия и последующий приход к власти большевиков свели на нет значение русского фактора в определении послевоенной судьбы чешских земель. Одновременно резко возросло значение западных держав и ориентировавшихся на них Масарика и его сторонников, которые, по сути, стали определять формат решения чешского вопроса. В роли «отца чехословацкой независимости» действительно выступило «стремление народа к свободе, ранее выраженное за границей и позднее дома», а в роли матери – «распад Австро-Венгерской империи» [2, с.13]. При этом активное отцовское начало в виде «стремления к свободе» очень долго – вплоть до последнего года Первой мировой войны – проявляло себя в основном за рубежом в дипломатической деятельности Масарика и Бенеша.

Длительное время лидеры держав Антанты выступали за сохранение реформированной Австро-Венгрии. Однако благодаря дипломатическим талантам и внешнеполитической интуиции Масарика и Бенеша, их умению оказываться в нужное время в нужном месте и произносить правильные слова, а также их контактам с ведущими западными политиками и журналистами лоббирование «чехословацкого проекта» в итоге оказалось весьма успешным.

Результаты деятельности Масарика и Бенеша за рубежом были, по сути, «талантливым политическим PR-продуктом. Масарику удалось элиминировать потенциально скользкие темы и, напротив, максимально оттенить выгодные для достижения поставленных им целей обстоятельства» [3, с. 36]. Огромную роль в реализации чехословацкого PR-проекта Масарика и в пропаганде ранее почти неизвестных в странах Антанты чехословаков сыграло антибольшевистское восстание чехословацкого армейского корпуса в мае 1918 года в Сибири, которое привлекло внимание западных политиков, заинтересованных в свержении большевиков, к чешскому вопросу. По словам российского исследователя А. Бобракова-Тимошкина, «завершился война годом раньше, «чехословацкий проект» мог бы остаться не более чем материалом для любителей альтернативной истории» [3, с. 19].

Благодаря установлению эффективной коммуникации с руководством Антанты и дипломатическим талантам Масарика и Бенеша чехословацкое государство возникло сначала на бумаге и лишь существенно позже – в реальности. Так, основанный Масариком Чехословацкий Национальный совет в Париже объявил себя правительством независимой Чехословакии и был признан в качестве такового правительствами стран Антанты уже 14 октября 1918 г., т.е. на две недели раньше, чем в действительности возникло возглавляемое этим правительством государство. Кабинетные условия рождения чехословацкого государства и его полная зависимость от стран Антанты наложили колоссальный отпечаток как на решение вопроса о территориальных контурах и границах Чехословакии, так и на ее государственно-правовое устройство.

Так, в изменившейся к концу «Великой войны» политической ситуации чешские государственные деятели продемонстрировали свойственную им гибкость, практически единогласно отказавшись от ранее господствовавших планов установления в Чехословакии монархии и провозгласив парламентскую республику, что соответствовало дипломатической конъюнктуре и политическим приоритетам их внешнеполитических патронов из США, Франции и Великобритании.

В территориальном вопросе Антанта, благосклонно внимавшая речам Масарика и Бенеша о глубоко укорененных демократических традициях чехов и их неприятии германо-австрийского милитаризма, согласилась с предлагаемым чехословацким руководством принципом исторических границ в Чехии и этнических границ в Словакии с существенными корректировками в пользу местного славянского населения. Одновременно при поддержке президента США Вильсона в состав Чехословакии была включена населенная русинами, венграми и евреями Подкарпатская Русь. В итоге чехословацкое государство оказалось растянутым на более чем тысячу километров с запада на восток, простираясь от населенного судетскими немцами пограничья с Баварией на Западе до гуцульских сел в отрогах Карпат на Востоке. Это привело к включению в состав новорожденного чехословацкого государства более трех миллионов немцев и около шестисот тысяч венгров вопреки их воле, создав проблему национальных меньшинств, решить которую в межвоенный период Прага оказалась не в состоянии.

Обстоятельства, предопределившие границы и государственно-правовое устройство Чехословакии после Первой мировой войны, одновременно стали своего рода миной замедленного действия, которая в изменившихся международных условиях сыграла роковую роль в истории Чехословакии в конце 1930-х годов, обернувшись Мюнхенским сговором и последующей оккупацией Чехии гитлеровской Германией в марте 1939 года.

1. Sborník dokumentů k vnitřnímu vývoji v českých zemích za 1. světové války 1914–1918. Svazek I. – V Praze, 1993. – 312 s.

2. Peroutka, F. Budování státu 1918-1923 / F. Peroutka. – Praha, Nakladatelství Lidové noviny, 1998. – 392 s.
3. Бобраков-Тимошкин, А. Проект «Чехословакия». Конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918-1938) / А. Бобраков-Тимошкин. – Москва, Новое Литературное Обозрение, 2008. – 194 с.
4. Серапионова, Е. Карел Крамарж и Россия. 1890-1937 годы / Е. Серапионова. – Москва: Наука, 2006. – 485 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ф. ЙЕГЛИЧКИ В 1920 г. В КОНТЕКСТЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ВЕКТОРА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ВЕНГРИИ

О.Г. Казак

Независимая Венгрия возникла на осколках Габсбургской империи сразу после окончания Первой мировой войны. Венгерская политическая элита во главе с М. Хорти, пришедшая к власти в марте 1920 г. после подавления Венгерской советской республики, стремилась сохранить территории, некогда являвшиеся частью Венгерского королевства. Словацкие территории, вошедшие в состав созданного в 1918 г. чехословацкого государства, рассматривались венгерской стороной как «временно утраченные» земли. Венгерское руководство в своих ревизионистских стремлениях рассчитывало на союз с Польшей, которая также имела территориальные претензии к Чехословакии. Представитель венгерского правительства в Польше И. Чеконич (позже он стал посланником Венгрии в этой стране) оказывал финансовую помощь представителям словацкой политической эмиграции, по разным мотивам оказавшимся в этой стране [1, с. 22]. Одним из наиболее ярких словацких политиков, действовавших в Польше в 1920 г., стал доктор богословия, бывший депутат чехословацкого парламента Ф. Йегличка. 17 апреля 1920 г. он создал в Кракове Словацкий Национальный Совет (СНС), которому отводилась роль временного правительства после «освобождения» Словакии [2, с. 69].

Наиболее информативным материалом о деятельности Ф. Йеглички в 1920 г. является запись беседы (состоялась в Кракове 2 декабря 1920 г.) одного из лидеров СНС Ф. Унгера с провенгерским русинским политиком А. Штефаном. Данный документ был направлен русинскими активистами премьер-министру Венгрии П. Телеки. Ф. Унгер сообщал, что Ф. Йегличка прибыл в Польшу весной 1920 г. с уже подготовленным и одобренным Советом министров Венгрии проектом автономии Словакии в составе Венгрии. Данный документ был сдержанно оценен представителями словацкой политической эмиграции, так как в нем отсутствовали гарантии обеспечения автономии со стороны Будапешта. Доработать проект согласились преподаватель Краковского университета Яворский, а также венгерский филолог и историк словацкого происхождения М. Кмошко, который в то время читал лекции в университетах Польши. В этот момент (май 1920 г.) в Польшу приехала группа словацких политиков во главе с В. Дворчаком. Он заявил, что имел контакты с регентом М. Хорти, членами правительства и генерального штаба Венгрии, а также с властными элитами Польши. По информации В. Дворчака, Венгрия планировала в течение ближайших двух недель начать военное наступление и «освободить» Словакию. Политик настоятельно рекомендовал Ф. Йегличке и его приближенным незамедлительно объявить о своей поддержке военного решения словацкого вопроса Будапештом, дабы «не остаться вне игры». Как выяснилось, информация В. Дворчака не соответствовала действительности, словацкая эмиграция в Польше не поддавалась на провокацию [3].

В июне 1920 г. дополненный проект автономии был передан через Д. Шинтиниша в Будапешт министру по делам национальных меньшинств (без портфеля) Я. Блейеру. В сопроводительном письме к проекту Ф. Йегличка обрисовал свое видение настроений в среде словацких политиков, находившихся в тот момент в Польше. Ф. Йегличка